

ПОЧИТАНИЕ МЕСТНЫХ СВЯТЫНЬ СИБИРИ В XX - НАЧАЛЕ XXI вв.

(на материалах Верхнего Приобья)*

Один из феноменов современного религиозного сознания, как показывают полевые исследования последних лет, связан с повсеместным возрождением традиции почитания святых мест. Несмотря на долгие годы запретов и борьбы с местными культами почитаемые места «продолжают оставаться актуальным явлением повседневной жизни» [Виноградов, 2002, С.239]. Более того, самая активная роль в этом процессе принадлежит сегодня Русской Православной Церкви, хотя почитание местных святынь никогда прежде не предусматривалось каноническим церковным обиходом [Панченко, 1998, С.12-14, 67].

Хозяйственное и культурное освоение зауральских территорий русскими первопроходцами сопровождалось, как известно, повсеместным утверждением религиозных святынь и символов, означавших включение неизведанных ранее пространств в мир истинной, христианской веры. Наряду с появлением храмов и монастырей, которые становились паломническими центрами общесибирского значения, шло формирование местных народно-православных культов, основу которых составляли славянские народные воззрения, связанные с почитанием священных камней, родников, деревьев, возвышенностей и прочих ландшафтных объектов природного или искусственного происхождения. Так, в роли символов освоенного пространства, а также сакральных центров поселения (мест регулярных молебнов, в том числе, по случаю засухи) у забайкальских старообрядцев выступали воздвигнутые на окрестных сопках кресты (Рис. 1, 2).

Рассеянные по всей заселенной территории почитаемые места составляли единую иерархически организованную структуру, включавшую в себя сакральные объекты локального, регионального и общероссийского значения [Тарабукина, 1998]. Достаточно хорошо подобная структура изучена в отношении Европейской части страны, особенно - такого региона, как Русский Север. В последнее время активно ведется исследование почитаемых мест сибирского региона [Любимова, 2006; Ермакова, 2011 и др.].

Было установлено, что современное состояние сибирской народно-православной традиции почитания святых мест связано с регулярным проведением крестных ходов и возведением культовых сооружений в непосредственной близости от объекта природы, наделенного сакральным статусом. Чаще всего таким статусом наделяется водный источник (родник или ключ), отмеченный, согласно народным воззрениям, символикой женского плодородящего и исцеляющего начала (Рис. 3, 4). Указанная символика

поддерживается бытующими вплоть до настоящего времени преданиями о так называемых явленных иконах, большая часть из которых относится к богородичному типу (Рис. 5).

Одним из типичных в указанном отношении почитаемых мест является источник, расположенный возле **с. Усть-Серта Чебулинского района Кемеровской области**. В отличие от других подобных святынь связанная с ним традиция, по словам местных жителей, сохранялась на протяжении всего периода советской власти (Рис. 6, 7). Все эти годы жители села, невзирая на отсутствие священника и активное сопротивление властей, совершали «молебства» на поля и к источнику, вода которого считалась святой, а потому - целебной (Рис. 8, 9). По словам лучшей «песельницы» и старейшей жительницы села «бабы Поли» (П.А. Масловой, 1909 г.р.), *«на Казанскую всегда службу в церкви служили, потом с иконами на часовню шли, воду на ключе святости, после - на кладбище, умерших поминали, медовуху пили»*. Названный культовый комплекс являлся также местом периодических молений о дожде, когда к высшим силам взывали с молитвенными обращениями - ср.: *«Пресвятая Мать Казанская, / Моли Бога о нас... / Многомилостивый Господи, / Услышь нас, молящих Тебе... / Святитель Никола, / Моли Бога, спаси нас»* и т.п. (ПМА, 2002).

Местной святыней и религиозным символом праздника стала икона Казанской Божьей Матери (Рис. 10, 11), история которой драматична и в то же время достаточно типична. Появление ее в селе окутано тайной и связано с легендами о том, что сама *«икона - явленная»*. По некоторым сведениям, лик Богородицы время от времени являлся в родниковой воде (ПМА, 2002). До 1936 г. местом пребывания иконы, размеры которой достаточно внушительны, а вес достигает 20 кг, была церковь, после - она попала к К.Т. Павлаковой (1926 г.р.). Десятилетней девочкой она привезла ее на санях домой, спасая от *«активистов», которые «превратили церковь в зерносушилку и топили иконами стоявшую там печь»*.

Сходные поверья о чудесном явлении в воде божественных ликов были зафиксированы в **Заринском районе Алтайского края**. Каждый из выявленных в сс. **Жуланиха** и **Среднекрасилово** культовых комплексов в недавнем прошлом представлял собой возведенную над святым ключом храмовую постройку, включавшую обширную подземную часть - рукотворные *пещеры* (Рис. 12). Самое раннее из преданий повествующих о начале почитаемого места, датируется 1898 годом, когда деревенский пастух, захотевший напиться из родника, впервые *«увидел в воде лик, икону Божьей Матери, всю в цветах»*, причем *«в руки лик никак не давался»* (Рис. 13). Позже родник был освящен батюшкой из деревенской церкви (ПМА, 2001, с. Жуланиха). Деревенский

пастух, по всей видимости, является здесь не случайным персонажем, поскольку сфера его профессиональной деятельности протекает на границе обжитого и неосвоенного пространства, где, по народным воззрениям, могут проявлять себя силы потустороннего мира.

Трагические события отечественной истории XX в. не могли не сказаться на характере почитания святых мест, а также и на содержании связанных с ними преданий. Показательным примером в этом отношении может служить святой источник возле с. **Сорочий Лог Первомайского района Алтайского края**, пробившийся, как считается, на месте расстрела участников гражданской войны (Рис. 14).

Согласно полевым материалам, вскоре после подавления контрреволюционного заговора место гибели повстанцев («мучеников за веру» в современной народной интерпретации) начало приобретать сакральный статус. Подтверждением этому стали регулярно наблюдаемые там «чудеса» - «пение невидимых певчих», появление свечек, которые горели сами собой и пр. Все это продолжалось там до тех пор, пока, наконец, сквозь землю не «проступила кровь» и не «пробился родник», находившийся ранее «совсем в другом месте» (ПМА, 2004). Общественное мнение, таким образом, было подготовлено к восприятию очередного «чуда», которое не заставило себя долго ждать. Матери одного из расстрелянных, каждый день ходившей на место гибели сына, привиделся в ключевой воде лик, будто бы сообщивший ей о том, что все погибшие «признаны Богом невинными мучениками», и что возникший на месте их гибели родник - это «слезы матерей по невинно убиенным» [Строчков и др., 2001, С. 65]. По одним сведениям, «появлявшиеся на дне ручья» святые лики были изображениями самого «Бога-отца с убитыми», велевшими объявить народу о святости места, по другим - верующим явилась «Божья Матерь с младенцем». Не случайно к столбу с иконой, поставленному возле родника, паломники, по словам корреспондента газеты **«Красный Алтай»**, стали со временем нести приношения в виде отрезков холста, *«наивно полагая, что их жертва идет непосредственно Богородице»* (01.08.1925) (Рис. 15, 16, 17, 18).

Широкая популярность ключа, связанная с распространением преданий о явлении «божественных ликов», пришлась на середину 1920-х годов, когда паломничество охватило буквально всю страну. Ежедневная посещаемость святого места составляла не менее 500 человек, а в иные дни доходила до двух тысяч. Предания о явлении «божественных ликов» в святой воде, а также многочисленные рассказы о случаях чудесного исцеления при посещении «алтайского источника близ с. Сорочий Лог» получили отражение в рукописном старообрядческом сочинении «Повесть о святом ключе» [Покровский, Зольникова, 2002, С.353-355]. Период гражданской войны

характеризуется в Повести как «*зима безбожия*», когда «*восташи брат на брата и сын на отца со оружием*». Сами события рисуются в ней как кровавое «*междуусобие*», когда «*несколько человек истинно верующих православных христиан*» были замучены «*единоплеменными, но отступившими в безбожие народами*». И хотя расстрелянные и зарубленные шашками «заговорщики» не были старообрядцами, автор повествования описывает их как последователей «истинной веры» [Духовная литература, 1999, С.140-147]. Таким образом, погибшие в борьбе с «антихристовым государством» в мировоззрении старообрядцев превратились не только в мучеников за веру, но еще и в единоверцев.

Во многом сходный характер носит почитание источника в п. **Ложок Искитимского района Новосибирской области** (Рис. 19, 20). Считается, что подземный ключ забил здесь на месте массовой гибели заключенных, отбывавших наказание в особом лагерном пункте №4 (ОЛП-4), который входил в систему СИБЛАГА (сибирских лагерей особого назначения). По свидетельству очевидцев, это был один из самых жестоких каторжных лагерей бывшего Советского Союза. В течение полугода неотвратимый силикоз убивал работавших в известковых карьерах людей. Вместе с уголовниками и штрафниками в особой зоне лагеря помещались политические заключенные, многие из которых страдали за веру. На установленном возле источника стенде с информацией об историческом прошлом поселка сказано, что «там, где когда-то царили страдания, и проливалась кровь человеческая, начинают бить родники». Все это непосредственно соотносится с историей возникновения святого ключа в Сорочьем Логу. При этом и расстрелянные участники контрреволюционного заговора, и погибшие заключенные одного из самых жестоких лагерей особого режима воспринимаются в народной памяти как «безвинно пострадавшие мученики за веру».

Главной святыней почитаемого места, также как и во многих других местах, стал богородичный образ - икона Пресвятой Богородицы «Живоносный источник». Понятие «источник» употребляется в данном случае в расширительном смысле, поскольку относится и к объекту природы, и к Богоматери как источнику жизни. Не случайно большой популярностью в Ложке пользуются рассказы о случаях исцеления приезжающих паломниц от бесплодия. По словам Е.В. Семеновой (1936 г.р.), «*Одной женщине сказали, что у нее не будет детей. Она стала сюда на родник ездить, купаться и родила сначала одного мальчика, а через какое-то время - другого*» (ПМА, 2005).

Топография местных святынь, как показало проведенное исследование, складывается, как правило, из природного объекта (водного источника, дерева, камня или пещерки), а также сопутствующих ему культовых сооружений (часовенок и крестов) (Рис.

21, 22). Причем нередко в одном и том же месте может находиться сразу несколько таких объектов и сооружений [Панченко, 1998, С.77]. В то же время, традиция почитания святых мест подразумевает не только формирование определенного повествовательного репертуара о мифологическом происхождении и дальнейшей истории почитаемого места, но и регулярное их посещение в определенные даты народного календаря или кризисные моменты жизни [Щепанская, 1995, С.110 и др.] (Рис. 23). К примеру, несколько лет назад в Сорочьем Логу появился женский Богородице-Казанский Иоанно-Предтеченский Скит (Рис. 24, 25), а само почитаемое место было облагорожено срубом, настилом и навесом. По инициативе Барнаульской епархии к святому ключу регулярно проводятся крестные ходы, по окончании которых совершаются массовые крещения детей и взрослых (Рис. 26). Приезжая из ближних и дальних мест в надежде получить исцеление от физических и душевных недугов, люди увозят с собой воду в пластиковых бутылках и глину с песком в больших стеклянных банках (ПМА, 2004).

Местные (деревенские) святыни всегда занимали особое место в народно-православной картине мира. Будучи ярким проявлением народной религиозности, они определяли способы крестьянской коммуникации с сакральным миром, формируя при этом не только специфику местного ландшафта, но и локальные особенности народного календаря. В наше время почитаемые с детства места воспринимаются как символы «малой» родины, которые аккумулируют в себе коллективную историческую память и определяют локальную идентичность местного населения.

*Работа выполнена в рамках программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России» (проект РАН № 25, направление №5), тематического плана (НИР 1.5.09) и проекта РНП 2.2.1.1/13613 Минобрнауки.

ПРИМЕЧАНИЯ

Виноградов В.В. Почитаемые места: конец XX в. // Христианство в регионах мира. СПб: МАЭ РАН, 2002. С.230-240.

Духовная литература староверов востока России XVIII - XX вв. / Отв. ред. Н.Н. Покровский. Т.1. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1999. - 800 с.

Ермакова Е.Е. Почитание Криванковского колодца в Юргинском районе Тюменской области // Антропологический форум. 2011, №12 online.

Любимова Г.В. Почитаемые места в народно-православной картине мира сельского населения Сибири // Православные традиции в народной культуре восточных славян Сибири и массовые формы религиозного сознания XIX - XX вв. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. 2006. С.33-49.

Панченко А.А. Исследования в области народного православия. Деревенские святыни Северо-Запада России. СПб: Алетейя, 1998. - 306 с.

Покровский Н.Н., Зольникова Н.Д. Староверы-часовенные на востоке России в XVIII - XX вв. Проблемы творчества и общественного сознания. М.: Памятники исторической мысли, 2002. - 471 с.

Строчков П.И., Строчков И.П., Рассыпнов В.А. Сорочий Лог: история села. Барнаул: БГПУ, 2001. - 214 с.

Тарабукина А.В. Святые места в картине мира современных «церковных людей» // Живая старина. Журнал о русском фольклоре и традиционной культуре. 1998, №4. С.28-31.

Щепанская Т.Б. Кризисная сеть (традиции духовного освоения пространства) // Русский Север. К проблеме локальных групп. СПб: МАЭ РАН, 1995. С.110-176.

Любимова Г.В. Почитание местных святынь Сибири в XX - XXI в. (на материалах Верхнего Приобья) // Үшінші халакаралық археология-этнографиялық окулары материалдарынын жинагы / Третьи Международные археолого-этнографические чтения: Сборник материалов. Астана: ЕНУ, 2012. С.156-160.